

Интервью с Илдусом Файзрахмановичем ЯРУЛИНЫМ

«НОВЫЕ ТЕКСТЫ, НОВЫЕ ЛЮДИ ТОЛКАЛИ НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ»

Ярулин И.Ф. — окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1981), доктор политических наук (1998), профессор (2000); Тихоокеанский государственный университет, декан социально-гуманитарного факультета, профессор кафедры Социологии, политологии и регионоведения. Основные области исследования: неформальные институты и практики; институционализация гражданского общества; социология политики; межэтническая напряженность. Интервью состоялось: 16-22 октября 2014 г.

15 октября 2014 года, когда я отправил Илдусу Файзрахмановичу Ярулину просьбу дать интервью для моего историко-социологического проекта, мы даже заочно не были знакомы; мне рекомендовали побеседовать с ним его коллеги по Тихоокеанскому государственному университету в Хабаровске. На следующий день, получив его согласие, я направил ему первый вопрос. Через неделю, 22 октября, наша беседа была завершена. Несмотря на то, что Хабаровский регион на 18 часов восточнее американской Кремниевой долины, где я живу, интервью протекало в прямом диалоге: вопрос-ответ. Парадокс. Если посмотреть на протокол нашей беседы, то видно, что Илдус отвечал на мои вопросы много «раньше», чем я их задавал ему. Для меня эта временная «кривизна» давно стала обыденностью, но указать здесь на нее представляется весьма интересным.

Два содержательных момента в повествовании Ярулина хотелось бы выделить. Один — личностный, объясняющий мотивацию его движения в историю, которое позже привело его в социологию. Второй — имеет отношение к специфике постперестроечного развития социологии, когда в нее приходили бывшие преподаватели научного коммунизма.

Илдус Ярулин родился в 1955 году в Златоусте, куда военное лихолетье еще подростками забросило из Татарии его будущих родителей. Отец год проучился в ПТУ и проработал всю трудовую жизнь на заводе, мать тоже была связана с производством. На мой вопрос, как у Ярулина, в простой рабочей семье, в промышленном закрытом городе возник интерес к истории, а не к технике, я получил довольно «жесткий» ответ — эскейпизм, бегство от тогдашней реальности. Кроме того он назвал любовь к чтению, влияние школы и «семейные гены — дед-мулла почитался на территории бывшего Булгарского ханства». В целом же здесь подтверждается уже не раз фиксированное в рассказах моих собеседников влияние предбиографии человека на процесс его вхождения в науку. Другими словами, биографичность закладывается в творчество социологов очень рано.

Теперь о втором содержательном моменте, который характеризует профессиональный путь Ярулина. Он включает: переход от преподавания научного коммунизма к защите в СПб университете докторской диссертации по политическим наукам, созданию кафедры социологии, диссертационного совета по защите кандидатских, а затем и докторских диссертаций по социологическим и политическим наукам и, наконец, к образованию социального-гуманитарного факультета в Тихоокеанском государственном университете. В проведенных интервью с российскими социологами доминирует критическое, пессимистическое отношение к расширению социологического сообщества за счет прихода в него «научных коммунистов». Конечно, такое мнение возникло не на пустом месте. Вместе с тем, указанный переход из одной области обществоведческого анализа в другую обусловлен объективными обстоятельствами и должен стать предметом направленного науковедческого исследования. интервью с российскими социологами доминирует критическое, пессимистическое отношение к расширению социологического сообщества за счет прихода в него «научных коммунистов».

Ярулин И. Ф.: «Новые тексты, новые люди толкали на переосмысление»

Илдус, в справочнике «Социологи России» сказано, что Вы родились в Златоусте? Ваши родители тоже по рождению сибиряки или так судьба сложилась? И вообще, насколько далеко Вы знаете историю своей родительской семьи?

Златоуст — это Урал, Челябинская область, Родители оказались на Урале по воле партии и государства. Отец приехал в Златоуст в 1942 году учиться в ПТУ, тогда на металлургическом заводе сложилась острая нехватка кадров (фронт забирал мужчин), вот и по деревням Татарии вербовали на стройки и заводы молодежь. Отец как старший из четырех братьев и сестер сначала бы направлен на рытье окопов возле Казани, потом уже приехал на Урал. Отец его священнослужитель, умер незадолго до войны. Год отец проучился в ПТУ — и на прокатный стан, где и проработал всю трудовую жизнь.

Мама также как старшая дочь приехала на Урал по вербовке. Ее мать, моя бабушка, отбыла срок (правда, недолгий) по закону «о колосках», Поскольку дед пропал без вести на фронте, а кормить надо было четыре души, вот бабушка и собирала на заснеженном поле то, что осталось после уборки урожая. За это была отправлена в «тюрьму» (наверное, лагерь) — так она говорила, хотя и не очень-то про это рассказывала. Ну а мама, как старшая в семье (это в 11-то лет!) осталась старшей. Когда проходил набор на стройки Урала, мама и поехала — «не медаль на шее, иди-ка ты в люди!». Бабушка к этому времени уже вернулась.

Такая вот история — впрочем, очень обычная для многих моих сверстников на Урале.

Обычная... я называю это «обыденность драмы». А после войны вернуться домой родители уже не хотели или не могли? Жильем (или обещаниями жилья) удерживали? В том же справочнике «Социологи России» сказано, что Вы окончили Казанский университет. А в школе Вы где учились? Как шло учение? Какие предметы более нравились?

Домой возвращаться родителям не было смысла — полуголодная деревня тех, кто оставался, прокормить было тяжело. А родители помогали оставшимся родственникам — мануфактурой, сахаром, деньгами. Бабушка (уже пенсионер) получала пенсию 12 рублей. Мы жили сначала в коммуналке, затем в отдельной квартире. Металлургический завод, где работал отец, тогда много строил, да и зарплаты у металлургов были приличные, Город наш был «закрытый» — почти все предприятия были связаны с обороной. Правда, в 1962–1963 годы уже завозили муку из Канады, крупы выдавали по прописке, 2 кг на члена семьи. Хотя снабжение было приличное — консервы, овощи, ширпотреб из стран социалистического лагеря, да и европейских стран. Тогда завод выплавлял спецметаллы, которые шли за рубеж. Так что, по деревенским меркам жизнь удалась и уезжать не хотелось.

Я учился в школе № 25 в Златоусте — она как раз только открылась, и мы были первыми, кто в нее пришел с самого начала.

Учился я хорошо, особенно по гуманитарным дисциплинам. Много читал, был записан почти во все библиотеки города. Закончил школу с двумя четверками, хотя типичным «ботаником» не был.

Школу закончил в 1972 году. В этом же году поступал в Казанский университет, сдал все экзамены, но не прошел по конкурсу — не было трудового стажа. Поступал на исторический факультет, поскольку всегда тянуло к истории, особенно истории стран Западной Европы.

Не поступив, пошел работать на завод, набирать трудовой стаж. А там и призыв в ряды Советской Армии. После окончания срочной службы (1974—1976 годы) снова поступал в Казанский университет, причем сдал экзамены без напряжения и был зачислен на отделение научного коммунизма историко-филологического факультета. Тогда к преподаванию на этом отделении привлекались лучшие специалисты из разных вузов Казани — историки, экономисты. Да и сам дух университета (я это сейчас понимаю!) избавлял от начетничества и догматизма, Возглавлял отделение профессор М.Х. Фарукшин, фигура хорошо известная специалистам.

В школе, армии, на заводе Вы занимались общественной работой? В армии Вам не предлагали вступить в КПСС?

Вообще, от какой-либо общественной работы был достаточно далек, от членства в партии — тем более. Да и само понимание научного коммунизма было расплывчатым. Просто тогда, в середине 70-х годов на этом отделении была очень привлекательная программа — 3 курса изучали философию, 2 курса — политэкономию, много истории — и классные медиевисты, и специалисты по Новой и новейшей истории, история России разных периодов, плюс хорошие преподаватели английского, крупнейшая библиотека. Об идеологической работе и не думали. Просто хорошее образование.

В университет обучение шло на русском или татарском языке? Или были разные группы?

Тогда обучение в университете шло только на русском языке. Татарский язык изучали на отделении татарской филологии.

Как Вы думаете, почему в рабочей семье, в Златоусте, промышленном закрытом городе, у вас возник интерес к истории, а не к технике? Кто повлиял, какие обстоятельства? Многие ли Ваши соученики искали себя в гуманитарных, не инженерных профессиях?

Сейчас-то я понимаю, что во многом закрытость и сыграла свою роль, замкнутое пространство, где жизненные стратегии предсказуемы, устоявшиеся традиции старого промышленного уральского города — наверное, меня это не устраивало. Да и семейные гены — дед-мулла почитался на территории бывшего Булгарского ханства как весьма грамотный человек, отец, который много читал — наверное, передались и мне. Учителя в школе, особенно гуманитарии, тоже внесли свою лепту. Своеобразный эскейпизм — бегство в историю от тогдашней реальности — все это и привело к тому, что я стал гуманитарием.

Сверстников-гуманитариев я особо не знаю. Шли в педагогические вузы, экономические, медицинские, т.е. есть подход был достаточно прагматичный — выбрать специальность, которая потом прокормит

Родом из Златоуста и Александр Ослон — создатель и руководитель ФОМа, хотя мы с ним и не были знакомы.

Златоуст — один из старейших центров российской промышленной культуры, так что мне известны несколько социологов, предки которых жили и работали в этом городе.

Было трудно после армии возвращаться на «студенческую скамью»? Или, наоборот, было чувство: «ну вот, наконец-то»? Какие курсы порождали наибольший интерес?

Скорее второе — пришел туда, куда всегда хотелось. В учебу втянулся сразу — база была, да и на службе продолжал заниматься, учебники были с собой. До сих пор помню англо-русский разговорник для оккупационных войск США — мне достался от ветеранов Второй мировой войны, которые служили в Германии сразу после войны. К сожалению, пропал разговорник при невыясненных обстоятельствах.

А учеба началась с истории КПСС, да не по сжато учебнику, а на материалах подлинных. До сих пор храню Манифест Коммунистической партии 1928 года издания — у букинистов много чего можно было найти. Год изучали «Методологию Капитала Карла Маркса». Конечно же история Древнего мира, затем медиевисты с нами работали. А тогда в Казани оставались еще ученики учеников профессуры императорского университета. Да и историю России преподавали далеко не последние люди в тогдашней науке. Профессора Шофман, Вульфсон и много-много других.

Классические диамат и истмат — в развернутом варианте, история философии, конечно. По курсу критики буржуазных концепций мы могли с этими концепциями подробно ознакомиться, тем более появлялась приличная литература. Конечно же, социология — годичный курс теории, затем практика на КАМАЗе — ей руководил А.К. Зайцев, позже основатель Школы конфликтологии в Калуге. В те времена был бум промышленной социологии, можно было получить хорошую практику. К тому в университете особо догматики и не приживались, знания мы получали хорошие, от ученых-исследователей.

Интересно, в московском и ленинградском университетах «учеников учеников» почти не было, учителей выбивали, начиная с 20-х... В чем была «особость» преподавания «учеников учеников»?

Прежде всего блестящая эрудиция, воистину классическое образование, связи с ведущими учеными. Никогда не обучали по «базовым» учебникам, только монографии, журнальные статьи. Терпение к нам, неофитам — и уважительное отношение. Довелось поработать дворником в центральном корпусе университета — рано утром профессура идет на работу и не чурается здороваться с дворником.... После занятий встречаешься с ними в читальном зале — разговор на равных.... и постоянно воспитывали в нас необходимость работать с первоисточниками — не дайджестами или комиксами.

К. А. Зайцев — известный специалист, практикан КАМАЗе — социологическая? Никто не рассказывал о подобном... в чем она заключалась?

Андрей Кириллович возглавлял социологическую службу на КАМАЗе. А вел в университете социологию Александр Сагалаев со своими коллегами. По-видимому, они были хорошо знакомы. И наш курс на месяц был направлен в Набережные Челны, на социологическую практику. Что могли делать студенты? Конечно же, проводить опросы — бегали с анкетами, «точковали». На практике прорабатывали «Рабочую книгу социолога».

Последние дни работали на конвейере — срывалось выполнение плана, вот и встали мы на конвейере, помогали собирать различные узлы.

Стиль «учеников учеников» Вы выпукло описали? А по какой кафедре Вы кончали университет? Что избрали для дипломного проекта?

Про «академические свободы» можно говорить, но про бюрократические — как поступил на научный коммунизм, так и до конца, никаких переходов. По этой кафедре и заканчивал университет.

С дипломным проектом была проблема. Всех одноклассников так или иначе сагитировали писать про «развитой социализм», концепция только появилась и становилась основным трендом. Мы с приятелем не вписались во всеобщую эйфорию. Я писал о «критике буржуазных концепций подмены социалистической революции революцией научно-технической» — «критиковал» Олвина Тоффлера с его Future shock. Какие-то материалы привозили коллеги-студенты из Польши в редкие (но были же!) приезды.

Приятель же сравнивал ленинскую и сталинскую концепции демократии. Тогда в букинистических магазинах часто встречались почему-то 13 томов из Собрания сочинений И. Сталина.

В результате мы получили по «хорошо», другие же — «отлично».

В армии или в студенческие годы не пробовали свои силы в журналистике?

Да нет, не мое это, наверное..... По мне больше сократическая манера — беседы ...диалоги.....полилоги..... А ради единого слова тысячи тонн словесной руды.....не принимал тогда я такого типа действия и деятельность.

Какие были планы на будущее, после завершения университета? А какой оказалась реальность?

Планы были смутные и радужные одновременно....Я уже был женат, ждали первенца, хотелось самостоятельности и....подальше от родителей. О научной карьере и помыслов никаких тогда не было. Устроиться на работу, а там..... Казалось, впереди только самое хорошее: работы в стране хватает, никто с голоду не умирает, никто не брошен...

А поскольку в университете было свободное распределение и о заявках вузов мы знали, был выбран — спасибо Джеку Лондону! — Дальний Восток, Хабаровский политехнический институт. Так что расхождений между планами и реальностью не произошло — планов практически не было....

Происходило все это в 1981 году. Гремит БАМ, стройки Сибири.....есть возможность selfmade; предоставлялось жилье (комната в общежитии с последующим предоставлением чего-нибудь)... в зарплата... да и вообще молодость, романтика, тигры и медведи, женьшень, тайга.... Каша в голове, можно экспериментировать и ничего страшного: в конце концов можно вернуться к родителям... Что касается преподавания, то кроме практики по педагогике представления

не имел об этом занятии... С другой стороны, коммуникабелен, вроде неглуп..... да и вообще, в жизни надо все попробовать, Почему не с Дальнего Востока? Собрались и полетели.... Что преподавать — неважно, что-нибудь гуманитарное...

По тому, что Вы и сейчас там, можно сказать, что выбор оказался правильным. Обещания молодому специалисту были выполнены? Тайга, женьшень, рыбалка... все оказалось, как и надеялись? И что предложили преподавать? Какими оказались первые встречи со студентами?

Надо отдать должное — все условия были выполнены. А сам Дальний Восток — 33 года здесь прожито, а не перестаешь удивляться. Природа не похожа ни что! И, конечно же, люди! Открытые, гостеприимные, всегда готовые прийти на помощь. Но не дай Бог, если ты не соблюдешь принятые правила проживания (чем-то напоминающие библейские заповеди, замешанные на криминальных понятиях — осваивал-то Дальний Восток не комсомол!). Дал слово — держи,

за язык тебя не тянули. Помогли тебе — ты обязан помочь другим. «Не крысятничай», «не стучи», не ходи по головам рядом стоящих. Нельзя сказать, чтобы эти максимы свято блюди, но придерживались..... Одним Словом, фронтир, приграничье. Из тех, кто приезжал на работу из районов Центральной России, оставался каждый 15—20. Другая природа, другая среда.....

Студенты приняли хорошо. Начал с преподавания научного коммунизма — он давался повсеместно, Помня уроки казанской профессуры, работал через диалог, поиски точек взаимопонимания, Поэтому получалось, конфликтов не было. Видимо, оценили отсутствие фанатизма на госэкзаменах, В целом, я так и не поставил ни одной двойки, как бы не хотелось отдельным деятелям из деканатов и парткома. Много работал по линии общества «Знание» с выездом на предприятия — разъяснял международную ситуацию. Конечно, такое общение здорово помогало в профессиональном росте.

Наверное, постепенно вытягивались в научную работу? Какую тему облюбовали?

Наукой заниматься было некогда — бегал на почасовки в соседний вуз. На ассистентскую зарплату особо не разживешься. Правда, в соавторстве выходили методички к семинарским занятиям — революционный процесс на Ближнем Востоке, в странах Африки. Через два года, в 1983, был направлен в целевую аспирантуру Ленинградского госуниверситета, философский факультет, отделение научного коммунизма.

Во-во, здесь подробнее, с паролками и явками... я ведь — ленинградец, многих знал и знаю... все, относящееся к Ленинграду, мне особенно интересно...

В Ленинграде я оказался впервые, никого не знал. Поначалу пришлось пару ночей провести на вокзале, затем наши аспиранты из Хабаровска помогли устроиться в Кавголово, на спортбазе университета, там и готовился к экзаменам, Все сдал, был зачислен. Научным руководителем был назначен Олег Михайлович Соловьев, тогда доцент. Отделением руководил Акат Калистратович Белых, фигура на факультете и в университет известная. Жили с семьей на квартире (уже было два сына) на улице Салтыкова-Щедрина (ныне Кировская), работал дворником в Анна-шуле. Это не центр, но близко. Пешком на факультет мимо

Летнего сада, Спаса-на-крови, по Миллионной (Халтурина) мимо Эрмитажа и по Дворцовому мосту..... А в Публичную библиотеку – по Литейному дальше по Аничковому мосту... Все это исходил и помню до мелочей тот Ленинград.

Тема кандидатской «Углубление управленческой функции трудового коллектива в условиях бригадной организации труда» – сейчас бы это отнесли к социологии управления.

На факультете было много замечательных людей, зачастую антиподов. Помню историю доцента Линькова, запрет его кружка по немецкой философии, Моисей Каган с кафедры эстетики. Профессора – почти все члены КПСС (попробуй тогда без этого оказаться на идеологическом факультете!), на партсобраниях такие схватки бывали. Секретарем Ленинградского обкома был тогда Романов, фигура печально известная. Атмосфера была еще та!

На кафедре научного коммунизма активно велись хоздоговорные работы с предприятиями на предмет социологии труда – Игорь Борисович Вишневецкий, Валентин Рюмин. На параллельной кафедре в Петергофе (для естественнонаучных кафедр) – Василий Яковлевич Ельмеев, Василий Александрович Овсянников.

По моим наблюдениям, уже сегодня молодые социологи с трудом представляют, что такое «научный коммунизм», а для следующих поколений – это может быть совсем загадкой. Пожалуйста, ясное дело – кратко, расскажите об этом направлении советского обществоведения и, если можно, в чем была «изюмина» подхода А. К. Белых к пониманию «научного коммунизма».

Под научным коммунизмом понималась некая интегральная наука об общественном устройстве на базе взглядов Карла Марса и Фридриха Энгельса о формационном развитии общества, венцом которого являлся коммунизм, бесклассовое общество на основе общественной собственности. Научный коммунизм включал в себя философию, политическую экономию и собственно теорию общества. А. К. Белых был одним из разработчиков концепции «развитого социализма» – этапа в развитии социализма, после которого уже можно было начинать строить непосредственно коммунизм. Вскоре эта концепция стала доминирующей, спор шел только по деталям и формулировке понятий.

Как утопический идеал, проект, коммунизм сыграл свою роль. Говорить о научности трудно, хотя были и рациональные зерна в плане анализа современного «капиталистического» общества, выявлении трендов общественного развития (футурология), проблем межнациональных отношений, социальной справедливости, отчуждения. Хотя идеологической шелухи, примитивного толкования проблем общественного развития было очень много. Лучше Дж. Скотта в «Благих намерений государства» не скажешь.

Какая главная познавательная задача ставилась Вами в диссертационном исследовании?

Основная идея диссертации – возможность развития производственного самоуправления на социалистических предприятиях. Как раз появился «Закон о трудовых коллективах». По сути дела, речь шла о разработке нового менеджерского подхода к управлению на основе задействования так называемого

«человеческого фактора», вовлечения рабочих в процесс управления предприятием на основе хозрасчет. Известный подход Е. Либермана, поддержанный А. Н. Косыгиным.

Говорить о высокой новизне разрабатывавшегося управленческого подхода можно лишь условно. Был обобщен опыт Калужского турбинного завода, что-то было из опыта завода им. Козицкого в Ленинграде. Учитывался опыт предприятий Венгрии, Польши, Югославии. Тогда гремело имя Николая Травкина, создавшего хозрасчетные бригады в строительстве.

В Ленинграде работал Андрей Николаевич Алексеев. Вузовской социологии тогда еще как таковой не было, но в ЛГУ существовал Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований.

Серьезной социологии в работе не было, она носила скорее теоретический характер, выявлялись позитивные и негативные черты внедрения бригадного подряда на основе имевшихся публикаций — взаимоотношения в коллективе, проблема внедрения КТУ, создание советов по самоуправлению при руководстве предприятий. Что-то брали из материалов социологических исследований. Степень присуждалась по философским наукам.

Выше Вы упомянули имя ленинградского социолога Андрея Николаевича Алексеева. Но тогда не только он занимался социологией труда, назову сразу: Бориса Ивановича Максимова, Аллу Александровну Русалинову... Вы встречались с ними? Работали в секции социологии труда Ленинградского отделения ССА?

К сожалению, к социологии подход был неоднозначный «Царицей (царем) наук» был научный коммунизм, доминировал исторический материализм, социология была вспомогательной дисциплиной. Не было еще такой вузовской специальности социология. Контакт с социологами был поверхностный, всерьез мы их тогда не воспринимали, хотя с работами были знакомы, по журналу «Социс». Была еще и школа В. Подмаркова. Теперь понимаешь, сколько было упущено.

В каком году Вы защитили кандидатскую диссертацию? Что потом было?

Защитил диссертацию в 1986 году и вернулся в Хабаровск, на прежнее место работы. Теперь уже жили в благоустроенном общежитии... Старший преподаватель, потом доцент. Стало больше возможностей заниматься социологией — хоздоговора с предприятиями тогда были востребованы. В 1987 году вместе с экологами составили карту загрязнений города Хабаровска, где кроме замеров ПДД и ПДК учитывалось и мнение населения. В 1988 году участвовал в совещании в АОН ЦК КПСС, где собирались социологии, направленные обкомами и крайкомами для анализа политической ситуации в стране и партии, Выступали И. И. Антонович, Т. И. Заславская, Потом проводили соцопросы на местах, в парторганизациях. Время было интересное — Демократическая платформа в КПСС, казус Ельцина, внутрипартийные дискуссии. Хабаровск в то время считался после Москвы самым антикоммунистически настроенным городом. Тогда в здесь были весьма активны сторонники Демократической платформы, которые требовали коренных перемен в руководстве партии и стране.

Да и экономическая ситуация была очень непростой, все это и создавало тот фон, который приводил к выступлениям. Каждую субботу в парке «Динамо» проходили митинги, активисты взаимодействовали и со Старовойтовой, Станкевичем, Татьяной Карякиной. Было много и печатной продукции, которая хорошо расходилась среди населения.

Тогда же я начал заниматься проблематикой гражданского общества. После одной из дискуссий по работе В. И. Ленина «Государство и революция». На страницах журнала «Коммунист» (позднее «Свободная мысль») заговорили о возможности соединения идей коммунизма с идеями гражданского общества. Были попытки соединить подходы к гражданскому обществу с «русским путем», выдать крестьянскую общину за основу гражданского общества. Хотя проблематика гражданского общества принималась в штыки, особенно в диссертационных советах.

В декабре 1989 года был зачислен в докторантуру теперь уже Санкт-Петербургского государственного университета, на тот же философский факультет, на ту же кафедру А. К. Белыха.

Что такое докторантура? Сколько времени? Какую тему для разработки Вы предложили (или Вам предложили?)

Институт докторантуры предусматривал три года обучения с последующей защитой диссертации (по аналогии с аспирантурой, но на более высоком уровне). Тему предложил я сам, «Институты гражданского общества в условиях социальной трансформации», хотя планировалось, что я буду писать по проблемам экологии, благо была монография в соавторстве по социологическому анализу экологических проблем. Жизнь была ярче, чем изыскания, Хотя научный консультант сразу предупредил о трудностях при защите.

Начиналась перестройка, сумятица в головах.... Первый съезд народных депутатов, в Ленинграде схватка Анатолия Собчака и Юрия Соловьева. Проблемы с продовольствием, талоны, Рушится КПСС, отмирает научный коммунизм. Помню слова А. К. Белыха: «Ну что, Илдус, обманули нас.... проиграли все....». А он был одним из разработчиков Конституции РСФСР... (вариант КПРФ)

С другой стороны приезжает Деррида на филологический факультет... Появляется много литературы, о которой только могли слышать. А.Ф. Филиппов выпускает «Вопросы социологии».... Поляки привозят много литературы..... «Солидарность» ... «Демократический транзит»... возрождение идей гражданского общества на постсоциалистическом пространстве. Так что было над чем работать.

Что Вам дал Деррида?

Сомнения в прежнем образе мышления.... новую информацию.... что-то вроде «культурного шока».... А тут еще и знакомство с работами Хабермаса.... Как у Александра Бека — «сшибка»... в терминологии Дерриды происходила деконструкция, то есть потрясение, расшатывания основ. Особенно «зацепило» его понимание апорий, «возможность невозможного», то, что еще не наступило. Вот и социализм — его еще нет, а мы уже утверждаем о его реальности. Надо пересматривать содержание понятий, больше работать с текстом. Конечно, одной

лекции было мало, потом дочитывалось. Хабермас с его теорией общественности также заставлял на многое, вроде бы уже устоявшееся в сознании, взглянуть по новому.

Многие понятия перестали устраивать еще раньше, особенно канонические цитаты, выхваченные из контекста работ того же Маркса. Один из законов логики Аристотеля гласит: «Ссылка на авторитет не является доказательством». Поэтому и авторитеты также подвергались новому рассмотрению. Меня всегда интересовали социалисты-утописты и их проекты. И в подсознании, глубинах его, мелькала мысль — не творим ли мы новую утопию с научным коммунизмом? Причем именно с теорией коммунизма, а не с примитивными трактовками в партийной прессе, которые никто всерьез не воспринимал, но постоянно транслировали. Деррида, может быть, и подтолкнул к критическому переосмыслению — ни в коем случае не огульному отрицанию. То, что я никогда не принимал на веру — это одно, а вот новое прочтение старых текстов — это другое. Да еще и огромное количество новых текстов — все это заставляло продираться через устоявшееся, сомневаться, и еще раз сомневаться. То есть новые тексты, новые люди толкали на переосмысление. Но и старые знания не выбрасывались из головы. Возникла новая мозаика, причем ее составные части тщательно отбирались, очищались и укладывались в новую картину. Такие вот процессы происходили в голове, А за окнами — бандитский Петербург, приватизация, крушение прошлого мира, который не хотел уходить, Да и до сих пор не ушел из реальности в небытие..... Такая вот возможность невозможного.

Как раз подоспели «Тюремные тетради» А. Грамши, разоблачение трагедий советского прошлого..... В возрасте 13—14 лет я не отрывался от материалов XX съезда КПСС, тех страниц, которые были посвящены «культу личности». Мало что понимал, а вот ужас несправедливости оставался со мной с тех лет. То есть какую-то прививку от «политической наивности» я получил еще в детстве. Пришло время избавиться и от «теоретической наивности».

Теперь вернемся к Вашей задумке анализа институтов гражданского общества в условиях социальной трансформации. Теперь мы понимаем взрывной характер темы: институты гражданского общества были чахлыми, трансформации — заметными, вспомним термин Б.А. Грушина — «социотрясение». Как Вы трактовали Вашу тему? Возможно, в качестве примеров рассматривались конкретные общественные институты? Как к Вашим поискам относились коллеги?

Прежде всего, как мне представлялось, надо было рассмотреть подходы к пониманию самой сути гражданского общества, опять-таки деконструировать понятие. Начинать пришлось с Аристотелевской политики до взглядов Геллнера о том, что гражданское общество появляется только после 1945 года. В итоге принял подход, в котором к гражданскому обществу относятся все институты, кроме государства. Далее предметом анализа становится процесс институционализации гражданского общества и его субъективации. Рассматривал акторов гражданского общества, формирование его общественности (влияние Хабермаса). Отдельно проводилось политическое измерение гражданского общества, то есть его взаимоотношения с государством, рассматривались партии, и завершалось все анализом региона в системе гражданского общества, становлением местного самоуправления.

Защититься после официального окончания докторантуры не удалось в силу ряда причин – шел процесс ломки прежней номенклатуры специальностей ВАКа, а самое главное – необходимо было возвращаться в Хабаровск, подходила очередь на квартиру, как ни странно это звучит.

Отношения с коллегами всегда выстраивались доброжелательные, к теме моего исследования было любопытство типа «чем бы дитя не тешилось....»

... и все же, когда и где прошла защита? Научного коммунизма уже не существовало, Вы защищались по философии или социологии? Или политологии? Ведь тема явно была междисциплинарной...

Защищался в 1998 году в Санкт-Петербургском по кафедре Политических процессов и институтов. Совет был по социологии, меня рекомендовали по специальности 22.00.05 – политическая социология, по политическим наукам. В представленной работе было много материала по проблемам взаимоотношения государства и гражданского общества, по «квазигражданскому» обществу, роли партий – являются ли они институтами гражданского общества в России. Защита шла достаточно долго, почти четыре часа. Было множество вопросов, пришли разные люди из других вузов, и не только из вузов – исследовательских структур, и тому подобное. Проголосовали единогласно. ВАК утвердил через четыре месяца. Так я стал первым доктором политических наук на Дальнем Востоке.

Приятно отметить, что мой историко-биографический проект зафиксировал это важное обстоятельство. Что дальше? Вы в тот момент продолжали работать в Хабаровском политехе? Не было планов перейти в университет или создать кафедру политологии в Политехе?

В 2000 году присвоено звание профессора. В том же году возглавил кафедру социологии, социальной работы и трудового права (входили в состав юридического факультета, отсюда и такое название). В 2001 году вместе с Л. Е. Бляхером создали диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по социологическим и политическим наукам, с 2005 года совет стал докторским. В 2011 году уже в Тихоокеанском государственном университете (ранее ХПИ, потом ХГТУ) был создан социально-гуманитарный факультет, который я и организовывал. Одновременно руководил работой кафедры Социологии, политологии и регионоведения (мы готовим специалистов по зарубежному регионоведению, специализация – АТР). Подготовил 27 кандидатов наук, работают по всему Дальнему Востоку.

Научно-организационная сторона Вашей деятельности приоткрылась. А что можно сказать о Ваших собственно научных поисках. В одном из своих мэйлов Вы кратко заметили, что осуществляете мониторинг социального самочувствия и проводите электоральные опросы в Хабаровском крае. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее... я не думаю, что в России существует много продолжительных региональных социологических мониторингов...

По возвращению в Хабаровск я столкнулся с достаточно активной политической жизнью. Шли битвы за места в региональной Законодательной думе, начинались выборы в Госдуму, а главное – выборы президентские. В 1998 году мне предложили сотрудники из служб губернатора В. И. Ишаева провести опрос на предмет узнаваемости и электорального потенциала корреспондента

«Известий» Бориса Резника, которого планировалось выдвинуть кандидатом в депутаты Госдумы. Поскольку опыт некоторый был, занялся подготовкой и проведением опроса, Позже к этому процессу подключилась наша краевая газета «Тихоокеанская звезда», которая печатала результаты опросов. Я настоял на гэллаповском подходе — четыре волны, последняя за 10 дней до выборов. В результаты мы получили расхождение с результатами выборов в 0,5 %, Борис Резник был избран, и по сей день является депутатом Госдумы. На президентских выборах 2000 года мы также отслеживали ситуацию, и наш результат опросов практически совпал с данными избирательной комиссии края.

Поскольку результаты нашей деятельности произвели должное впечатление, нам предложили проводить опросы по анализу социального самочувствия населения края. Для аспирантов это стало хорошей школой, позволявшей еще и немного зарабатывать на жизнь. С тех пор мы и занимаемся опросами.

Правда, одним из условий наших договоренностей является то, что мы не публикуем полученных данных в СМИ — заказчик сам распоряжается полученными материалами. В диссертационных исследованиях — пожалуйста, но не более того. Только через шесть месяцев. Наверное, можно отметить, что более чем на 1,0% мы не расходились с официальными результатами, Правда, последние два года возникают проблемы с прогнозом явки — она падает более высокими темпами, чем мы предсказываем.

Сколько времени уже продолжается Ваш региональный мониторинг? Как строится выборка, какие методы опроса Вы используете: личное интервью, телефонное, проводите ли онлайн-опросы?

Работать мы начали с 1996 года — сначала на территории города Хабаровска и близлежащих районов (здесь проживает основная часть населения края), позже охватили территорию всего края, Это достаточно дорогое удовольствие — территории гигантские, добраться иногда можно только самолетом. Выборка достаточно стандартная — либо по данным переписи населения либо по зарегистрированным избирателям строится пропорциональная выборка, Базовые методы — анкетирование и фокус-группы. Онлайн-опросы в большом масштабе еще не проводили, это связано с доступом к интернету и тем, что практически выпадает большая группа лиц старше 50 лет, особенно на селе.

Анкеты выезжают в районы, проводят анкетирование. Опрашиваем, как правило, 1600 человек, в последнее время количество увеличено (по требованию заказчика) до 3000 человек. Опрос по оценке удовлетворенностью деятельностью органов власти вообще был 6000 человек. До 8% процентов опрашиваемых проверяется на предмет проведения опроса. В зависимости от объема подбираем соответствующее количество анкетеров. Заказчик настаивает, чтобы один анкетер не опрашивал более 50 респондентов. В отдаленные районы командировать интервьюеров. Этим пытаемся обеспечить достоверность. Конечно, привлекаем преподавателей и студентов факультета, особенно аспирантов и будущих магистров, которые знакомы с методологией проведения опросов. Кроме того, с Л. Е. Бляхером создали некоммерческое партнерство, которое является юридическим лицом со своим счетом в банке. В разные годы разное количество опросов, все зависит от заказов. Получается не менее 4–5 опросов по разной тематике — употреблению наркотиков, межэтническая напряженность, социаль-

ное самочувствие. Аспирантам помогаем провести опрос по теме исследования. В период выборов работаем по заказу Краевой избирательной комиссии, иногда заказ делают кандидаты в депутаты. Кроме того, различные экспертизы. Да и в университете проводим опросы – абитуриентов, по проблемам удовлетворенности трудового коллектива различными сторонами жизни вуза. Главное – пытаемся избежать упреков в «рисовании на коленках». Пока вроде бы получается.

Несколько странно, в России есть «Большая Тройка» организаций, проводящих общенациональные опросы общественного мнения: ВЦИОМ, «Левада-центр» и ФОМ. Их результаты всегда представлены на сайтах, комментируются всесоюзными и зарубежными СМИ. Чем вызвано требование к вам не публиковать результаты опросов, выходит, что общественное мнение не знает себя. Парадокс... как Вы это прокомментируете?

Ф. Шереги, насколько я знаю, также по требованию заказчиков не публикует результаты. У «Большой тройки» свои правила игры, свой устав. Мы же публикацию результатов не считаем основной деятельностью. С другой стороны, публиковать-то где? В научных журналах, с опозданием на полгода? Конечно, какую-то аналитику отправляем губернатору, его структурам.

А главное – таково состояние гражданского общества, ему социология не нужна, социология нужна Левиафану только для выявления болевых точек и, прежде всего, потому что требует Москва, для оценки деятельности власти. Вот сейчас возникает проблема «этнического сдвига» на Дальнем Востоке, опубликовали две статьи в журналах местных. Газеты не возьмут – разжигание розни..... Да и свободной-то прессы.....

Есть ли в Вашем регионе другие организации, проводящие опросы общественного мнения? Они тоже не имеют возможности оглашать результаты замеров?

Работает центр при бывшей академии госслужбы, тоже публикуют в своем журнале, книжки пишут. Тут даже один руководитель написал губернатору, что Ярулин дает не те цифры, и службы социологические надо создавать свои, при администрациях, они и дадут нужную информацию.

Попроше во Владивостоке, там ребята создали Консалтинговый центр, на сайте публикуют информацию.

Надеюсь, что вскоре у меня будет четыре интервью с дальне-восточными социологами: уже завершено и опубликовано интервью с Л. Бляхером, идут беседы с Г. Говорухиным, Э. Леонтьевой, и вот – наше. Как в целом организована социологическая жизнь в вашем регионе? Есть ли планы на создание журнала или «Ежегодника», проводятся ли регулярные встречи, представлен ли «голос социологов» в СМИ и т.д.?

О регулярной социологической жизни приходится только мечтать, скорее всего, она напоминает совокупность неупорядоченных связей. Благо есть диссертационный совет, на заседаниях которого мы и встречаемся, иногда есть совместные проекты.

Для СМИ мы представляем интерес лишь как творцы скандальной цифры или фразы, вокруг которой журналист напишет «гвоздевой» материал. Наверное, надо чтобы созрела какая-то критическая масса социологов-исследователей, а не социологов-преподавателей-толкователей. Такую критическую массу мы потихоньку и растим.

Сколько выпусков уже сделал ваш факультет? По каким специальностям? Есть ли перспективы найти работу у Ваших выпускников? В свое время Вас направляли в Санкт-Петербург в аспирантуру и докторантуру. Эта практика сохранилась? В какие еще российские университеты?

Факультет наш как самостоятельная единица существует три года, Каждый год мы выпускаем регионоведов, социальных работников, лингвистов, специалистов в области организации туризма, В нынешнем, 2014 году, сделали первый выпуск журналистов. Пока все выпускники так или иначе трудоустроены. Многие продолжают обучение в магистратуре, в том числе и за рубежом, в частности в университетах Китая. Многие наши студенты на год едут учиться в Японию, Республику Корея, Китай, Польшу. Стараемся, чтобы они увидели мир, изучили его. Это раскрепощает интеллект.

У нас есть своя аспирантура по социологическим наукам и диссертационный совет. Так что цикл заверченный. Конечно, по мере возможности, отправляем учиться в аспирантуру и в другие города, в частности, лингвистов. Но хорошее образование нынче удовольствие дорогое, особенно с учетом того, что бюджетных мест на гуманитарные направления становится меньше.

А социологов вы не выпускаете? Лингвисты – это кто? Теоретики в области языка, семиотики или переводчики? Иностранцы студенты у вас есть?

Социологов начали готовить в Биробиджане (Приамурский университет) и в Хабаровске, в бывшей ВПШ – ДВАГС, ныне филиале Академии народного хозяйства и государственного управления.. Я не стал открывать специальность, поскольку трудоустроить будет некуда.... Лингвисты – это переводчики и они же специалисты в области языка (у нас английский и китайский). Иностранцев в университете немного, человек 300, на факультете около 70, в основном из Китая, В последнее время появились мальчики и девочки из Италии, Польши, Чехии, правда, пока единицы.

Можно ли сказать, наблюдая происходящее в вашем регионе, о давлении на него Китая? Я имею в виду присутствие на рынке китайских товаров, активное заполнение городского, пригородного и сельского пространства китайцами, увеличение доли смешанных российско-китайских семей и т.д. Порождает ли это недовольство со стороны российского населения?

Не говорил бы о давлении, скорее об освоении китайцами Дальнего Востока, Приходит серьезный бизнес, выстраиваются новые взаимоотношения. Картина по сравнению с тем, что было лет 10 назад, меняется. Если в конце 90-х начале 2000 –х годов был наплыв мелких торговцев и дикий, неорганизованный рынок, который обеспечивал всем – в первую очередь, дешевым малокачественным ширпотребом, соответственно и представляли великую китайскую цивилизацию мелкие торговцы с их менталитетом полукриминальным. Отношение к выходцам из сопредельной Маньчжурии было, мягко говоря, не

самое хорошее. Со временем оно изменилось в лучшую сторону, благодаря политике, проводимой местными и российскими, и китайскими властями — контингент стал другим. Пенсионеры с Дальнего Востока покупают квартиры в китайских сопредельных городах — там жизнь подешевле. Многие жители Дальнего Востока ездят на китайские курорты, на лечение в китайских больницах. Да и рынок изменился — благосостояние выросло, соответственно, и запросы. Договорить о любви и дружбе не стоит, но отношения более толерантные, что показывают наши опросы. Проблема теперь другая — выходцы из среднеазиатских республик бывшего СССР. К ним отношение далеко не самое хорошее, поводов для этого они дают достаточно. Относительно смешанных китайско-российских семей — эта тактика уже не срабатывает. Раньше власти КНР вынуждали выезжать на заработки в Россию неблагонадежный элемент, который выстраивал свои стратегии адаптации. Теперь этого особо нет.

Спасибо большое, Илдус!